

УДК 130.31: 124.5

DOI: 10.29039/2413-1695-2025-11-3-28-38

ТРАНСЦЕНДЕНЦИЯ И ТРАНСГРЕССИЯ КАК ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ РЕЛИГИОЗНОЙ ЛИЧНОСТИ

Габеев В. В.

Аннотация: В статье рассматриваются смысложизненные для религиозной личности стратегии трансценденции и трансгрессии. Трансгрессия в качестве экзистенциальной стратегии религиозной личности стала рассматриваться в отечественной литературе после знакомства с работами Ж. Батая и М. Фуко и не имеет однозначного понимания и оценки. Она оценивается в большинстве случаев как деструктивная поведенческая установка, в то время как трансценденция характеризуется положительно. Содержание статьи приводит к выводу, что трансгрессия и трансценденция представляют собой две взаимосвязанные стратегии, выстраиваемых религиозной личностью в стремлении к постижению трансцендентного начала. Трансгрессия предполагает радикальное преодоление границ наличного бытия. Для религиозной личности это может выражаться в стремлении выйти за рамки традиционных догматов, моральных норм, пересмотре своих верований и практик. Трансгрессия позволяет человеку освободиться от привычных шаблонов мышления, что создает пространство для прямого опыта божественного. Это путь самоутверждения через неизбежный конфликт с традицией. Трансцендирующая личность, в отличие от трансгрессивной, стремится не разорвать связь с религиозной традицией, а установить глубокую связь с высшим началом, что предоставляет ей ощущение единства и с миром, и с божественным замыслом. Также это путь духовного роста, который предполагает активное стремление к совершенствованию, выражаясь в молитве, медитации и других духовных практиках, которые способствуют развитию духа и пониманию высших истин.

Ключевые слова: религиозная личность, традиция, трансгрессия, трансценденция, экзистенциальная стратегия.

Введение

Поиск смысла бытия представляет собой одну из наиболее фундаментальных задач, которые ставит человеческий разум на протяжении всей истории. Существование в мире, пронизанном хаосом и неопределенностью, порождает в сознании человека ряд вопросов, касающихся не только смысла собственного существования, но и поиска того, что превосходит зыбкость этого существования. Такие вопросы находят свое решение в выходе из наличного состояния и стремлении перейти в состояние абсолютное. В этом стремлении многие люди обращаются к религиозным и духовным концепциям и практикам, стремясь найти ответы на вопросы о жизни, смерти и вечности. Религиозные традиции предлагают свои понимания смысла бытия, которые могут включать представления о высшей цели, абсолютном благе и единении с ним.

Полагание высшего смысла, в свою очередь, формирует сознательные и долгосрочные намерения человека, то есть экзистенциальную стратегию. По мнению Е.И. Спешиловой, «экзистенциальная стратегия есть система представлений личности о должном в отношении себя, которая реализуется в практике в целом; поэтому экзистенциальную стратегию иначе можно назвать антропологической практикой себя» [1, с. 177]. Это означает, что экзистенциальная стратегия может рассматриваться как выбор и применение различных механизмов и практик, направленных на осмысление своего существования, преодоление экзистенциальной тревоги и достижения внутренней гармонии.

Религиозные индивиды в своих экзистенциальных стратегиях следуют в направлении к совершенному, трансцендентному бытию. Среди экзистенциальных стратегий религиозной личности ведущее место занимает трансценденция. Однако ряд современных отечественных авторов, вслед за философами-постмодернистами М. Фуко, Ж. Батаем и др., указывает в качестве экзистенциальной религиозной стратегии и трансгрессию [2; 3; 4; 5]. Вместе с тем термином «трансгрессия» обозначается не только экзистенциальная стратегия, но и переход из одной религии в другую [6], экспансия религии в различные сферы общества [7].

Анализ отечественной исследовательской литературы показывает, что, во-первых, в настоящее время наблюдаются различные и порой противоречивые взгляды на соотношение трансценденции и трансгрессии, а во-вторых, трансгрессия рассматривается в большинстве случаев как деструктивная поведенческая установка. Так А.С. Большакова, разделяя постмодернистское понимание трансгрессии как своего рода манифестации несогласия человека с социальными пределами и запретами, отмечает: «...в стремлении к трансгрессивному, часто “невозможному” мистическому опыту, люди обращаются к тревожным и пугающим, “грязным” или даже отталкивающим глубинам (а, возможно, и пропастям) своей психики» [8, с. 53]. Менее радикальную оценку трансгрессии дает С.М. Каштанова: «Под трансгрессией в общем смысле понимается нарушение запрета, попрание границы, которое, однако, не предполагает тотального уничтожения этого запрета. Даже будучи нарушенным в акте трансгрессии, запрет не перестает быть запретом, что, с одной стороны, подчеркивает его фундаментальность и, с другой стороны, придает трансгрессивным деяниям статус кощунства, греха, преступления» [9, с. 95]. Вместе с тем имеются и положительные оценки трансгрессии, например, у М.Ю. Смирнова: «Трансгрессия обеспечивает суверенность и свободу человека, не позволяя последнему быть рабом общества или природы. Утрата опыта трансгрессии приводит к излишней рационализации человека и человеческого общества, к появлению неразрешимых экономических, социальных и психологических проблем» [10, с. 37].

В связи с этим представляется актуальным провести исследование соотношения трансгрессии и трансценденции как экзистенциальных стратегий применительно к сфере религии. Цель данной работы состоит в том, чтобы показать, как соотносятся между собой трансценденция и трансгрессия в качестве стратегий обретения предельного смысла жизни, который религиозной личностью понимается в качестве абсолютного. Для достижения этой цели нужно провести анализ

подходов к пониманию различными авторами трансценденции и трансгрессии, а затем определить роли трансгрессии и трансценденции в поведенческих установках религиозной личности.

Экзистенциальная стратегия религиозной трансценденции

В современной философской и психологической литературе трансценденция или трансцендирование понимается очень широко – как «любой выход за пределы непосредственной ситуации “здесь и сейчас”, способ отстранения от реальности повседневной жизни» [11, с. 10]. Но исследование контекстов употребления понятия «трансценденция» в истории западноевропейской философии показывает, что оно всегда имело религиозный смысл – явный или имплицитный. В Античности этим понятием обозначалось восхождение к Высшему Благу. В Средние века трансценденция понималась как сознательная трансформация личности для обретения божественного бытия. Несмотря на то, что в Новое время на первый план вышли гносеологические коннотации данного понятия, религиозный экзистенциализм XX в. соединил их с экзистенциальными коннотациями трансцендентного как сферы абсолютного бытия и тем самым вернул понятию трансцендирования его религиозно-антропологический смысл. Чисто гносеологическое и потому нерелигиозное понимание трансценденции характерно для феноменологической философии Э. Гуссерля и его преемников. Гуссерль называл трансценденцией момент конституирования сознанием внешнего ему предметного мира, не имеющего никакого отношения ни к сфере божественного, ни к поведенческим стратегиям личности. В феноменологической социологии А. Шюца и Т. Лукмана трансценденция представлена в виде перехода из одной реальности, переживаемой непосредственно и названной Шюцем имманентной, в другую, которая непосредственно в настоящий момент не воспринимается, то есть трансцендентна. При таком переходе значения реальности, ранее бывшей имманентной, могут оказаться недостижимыми, то есть перейти в план трансцендентной реальности. Согласно Шюцу и Лукману, трансцендирование происходит не как восхождение к высшей реальности, а как переключение между реальностями и имеет прежде всего социальное значение, так как позволяет индивиду преодолеть границы имманентно-замкнутого, биологического существования и участвовать в создании многообразия форм духовной и материальной культуры.

Главная особенность религиозной трансценденции заключается в том, что она направлена на сознательную трансформацию личности для единения с Богом, вхождения в божественное бытие, которое есть абсолютное благо и высшая ценность. Следовательно, достижение божественного бытия выступает финальной целью и высшим смыслом религиозной жизни.

Трансценденция имеет несколько взаимосвязанных значений для религиозной личности. Во-первых, это духовный рост: стремление к духовному развитию и самосовершенствованию. Этот план экзистенциальной стратегии реализуется через практики медитации, молитвы и другие духовных упражнений, направленных на углубление связи с божественным, ощущению божественного присутствия. Высшим проявлением этого плана является мистический опыт:

мистические переживания, такие как ощущение встречи с божественным или единства с ним, в которых человек испытывает состояние вхождения в благое инобытие.

Во-вторых, это преодоление эгоцентризма (гордыни, своеволия), осуществляемое в опыте смирения – ограничения личных интересов и амбиций или полного отказа от них в пользу служения другим людям или следования божественной воле. Трансценденция также может проявляться в стремлении к объединению в общине верующих, где совместные усилия направлены на достижение высшей цели, служение и поддержание ценностей, которые выходят за пределы индивидуальных интересов.

В-третьих, это постижение высших истин о мире, жизни и человеческом существовании. Источником таких истин могут служить религиозные тексты и авторитетные наставники. Такое постижение формирует иную, отличающуюся от повседневной жизни, иерархию ценностей: религиозная личность стремится к ценностям, которые превышают материальные удовольствия и земные достижения, освобождают от страха перед смертью и страданиями, дают надежду на вечную жизнь за пределами этого мира.

Экзистенциальная стратегия трансценденции аккумулируется в религиозном опыте, который следует рассматривать как осознанный путь, на котором верующий в рамках определенной религиозной традиции вступает в отношения с сакральным, выходя при этом (поскольку сакральное выделено из многообразия предметов и явлений окружающего мира как радикально отличающееся от всех них своими качествами, исключено из обыденных процессов и отношений, поскольку доминирует над ними) за пределы обыденности. Независимо от того, насколько по-разному сакральное понимается в различных религиозных традициях, оно не только вызывает у всех верующих схожие переживания, но и формирует поведенческие установки. При этом не имеет особого значения то, как получен этот опыт: в результате непосредственного переживания встречи со сверхъестественным или через восприятие и интериоризацию опыта религиозной традиции, которая, по характеристике П. Бергера, есть «коллективная память тех моментов, в которые реальность иного мира врывается в преобладающую реальность повседневной жизни» [12, с. 352].

Религиозный опыт как опыт трансценденции, то есть выхода за пределы ограниченных предметно-эмпирических и рационально-отвлеченных состояний, дающих картину разрозненности, зла, вражды и разных несовершенств мира, к бытию, в котором этих несовершенств нет, наиболее ярко представлен в русской религиозной философии первой половины XX в. (С.Н. Булгаков, Л.П. Карсавин, Е.Н. Трубецкой, П.А. Флоренский, С.Л. Франк, И.А. Ильин). Размышления русских религиозных философов о религиозном опыте – это рассуждения людей, имевших его. Этот опыт был крайне значим для них самих, и вследствие этого русские философы считали необходимым показать важность трансценденции для каждой личности. Они указывали, что в религиозная трансценденция как бы разрывает «ткань» повседневности, выводя личность в особую сферу бытия, находящуюся за пределами как его собственного повседневного жизненного опыта, так и полученных социальных знаний,

норм и оценок. Происходит трансформация личности, изменяющая, иногда весьма радикально, ее жизнь, понимание окружающей действительности и способов взаимодействия с ней.

Таким образом, трансценденция для религиозной личности представляет собой процесс достижения более глубокого понимания сути бытия, связи с божественным и значительно более высоких уровней существования, которые дают смысл и направление жизни.

Экзистенциальная стратегия трансгрессии

Тема трансгрессии стала самостоятельной философской проблемой благодаря работам Ж. Батая, которые послужили основой для дальнейшего осмысления этого понятия М. Фуко, а впоследствии и другими философами-постмодернистами. Обращение Батая к этой теме было связано прежде всего с экзистенциалистской идеей, что человек не достиг полноты своего бытия, что его подлинное существование находится за пределами правил и запретов, по которым живет все общество. Из этого следовало, что для достижения подлинного бытия индивид посредством актов трансгрессии нарушает социальные нормы. Одной из разновидностей таких актов Батай считал религиозный экстаз, стирающий границу между земным и потусторонним как нормальным и ненормальным для обыденной жизни. Однако у Батая потусторонний мир – это не божественная сфера, а интеллигибельная: «Интеллект или концепт, рассматриваемый как вневременная категория, определяется как некий наивысший порядок, в подчинении которому пребывает мир вещей, точно так, как он некогда подчинялся мифическим богам. Стало быть, умопостигаемый мир уподобляется миру божескому» [13, с. 74]. В трансгрессивном акте с момента пересечения границы меняется мировосприятие: за пределами чувственного открывается сфера умопостигаемого. Интеллект или концепт, рассматриваемый как вневременная категория, «определяется как некий наивысший порядок, в подчинении которому пребывает мир вещей, точно так, как он некогда подчинялся мифическим богам. Стало быть, умопостигаемый мир уподобляется миру божественному» [13, с. 74]

М. Фуко более радикально, чем Ж. Батай, выразил идею трансгрессии. Он рассматривает трансгрессию не как антропологическую константу, а как исторический феномен, свойственный современной секулярной эпохе, и видит ее не в нарушении запретов, а в выходе личности за ее собственные онтологические пределы, то есть предельно близко трансценденции. В представлении М. Фуко трансгрессия утверждает беспредельность в момент скачка – предел распаивается на беспредельное, трансгрессия «доводит предел до предела его бытия; она будит в нем сознание неминуемого исчезновения..., необходимости испытания своей позитивной истины в движении самоутраты» [14, с. 117].

Анализируя работы Батая и Фуко, отечественные исследователи В.Л. Тихонова О.И. Закутнов видят в трансгрессии скачкообразный переход в иное состояние бытия. Трансгрессия ничего не противопоставляет повседневной жизни, ее основная цель заключается в выходе за незримую линию-предел. Выйдя за пределы налично бытийного, человек переживает полноту и завершенность своего бытия [15, с. 135]. В таком случае,

религиозную трансгрессию можно было бы считать формой трансценденции, если бы не те негативные для общества последствия, которые она влечет за собой.

Трансгрессия в контексте религиозной личности может рассматриваться как нарушение правовых, моральных и даже религиозных норм (норм религиозной традиции). Это понятие охватывает широкий спектр действий и состояний, которые могут восприниматься как отступление от заповедей или учений религии. Вследствие этого трансгрессия может вызывать у религиозной личности внутренние конфликты и экзистенциальные проблемы. Таким образом, трансгрессия деструктивна. Но почему деструктивная, по своей сути, программа оказывается экзистенциальной стратегией религиозной личности? Что представляет собой эта личность?

По мнению С.М. Каштановой, трансгрессия представляет собой «выход за общепринятые рамки, несущие в себе определенный утилитарный смысл, и тем самым расшатывает устройство социального универсума, но также дает человеку возможность преодолеть замкнутость и статичность предустановленных границ. Она демонстрирует, что несмотря на их наличие человеку также доступны свобода, новаторство или бунт. Будучи отрицанием конкретно-данных рамок общества, трансгрессия, тем не менее, реализует себя и как утверждение – утверждение человеком своего права не соглашаться с последними пределами, его условной независимости от них» [16, с. 39].

Примерно такую же, амбивалентную, оценку дают трансгрессии М.Р. Арпентьева, О.Н. Дувалина: «...трансгрессия обретает две формы: позитивную (трансцендирующую, ресакрализирующую) и негативную (десакрализирующую). “Вектор (тренд) трансгрессии” и “вектор трансценденции” часто совпадают там, где трансгрессия обретает форму ресакрализации: поиск иного отказывается отказом от своего. И, напротив, там, где десакрализация не завершается обретением новых ценностей, трансгрессия остается негативной» [17, с. 9].

Так как основной идеей религиозного сознания является преодоление несовершенства наличного существования с помощью обращения к сверхъестественным силам, в качестве основных значений трансгрессии выступают следующие. Во-первых, порождая конфликт с внешним миром, трансгрессия направляет личность на мир должный и лучший. Понимание этого мира индивидом не всегда соответствует догматам религиозной традиции, поэтому возникает эмоциональный конфликт и с ней. Эти эмоции могут появиться, когда индивид осознает, что его действия противоречат вероучению и морали его религиозной традиции, но ощущает свою близость к сверхъестественному, а значит, и правоту.

Во-вторых, оказывая негативное воздействие на общественное мнение, трансгрессия приводит к отторжению или критике трансгрессивной личности со стороны других членов религиозного сообщества и тем самым вызывает у нее потребность в определении или переосмыслении своей религиозной идентичности и даже смене конфессиональной принадлежности. Следует полагать, что еретики и основатели сект, которых история мировых религий знает в большом числе, относились к категории трансгрессоров. К этому необходимо добавить, что трансгрессивные личности очень часто яв-

ляются религиозными фанатиками, так как они убеждены в обладании истиной, своей исключительности и превосходстве над окружающими.

В-третьих, трансгрессивные личности, по причине неудовлетворенности своим наличным состоянием и стремления его радикально преодолеть поднимают глубокие экзистенциальные вопросы о свободе совести, жизненного выбора, соотношения общественного и личного, традиции и новации и т.п. В случае, когда личность находит ответы на эти вопросы и способна предъявить их своей социальной группе, она обретает последователей и становится харизматичным лидером какого-либо религиозного раскола или секты, а в современности – нового религиозного движения.

Таким образом, трансгрессия представляет собой сложную экзистенциальную стратегию для религиозной личности, которая пронизана внутренними конфликтами, возможностями для роста и падения, глубокими экзистенциальными размышлениями о нравственности, вере и человеческой природе.

Заключение

Трансгрессия и трансценденция представляют собой два взаимосвязанных, но различающихся пути, которые религиозная личность может использовать в своем стремлении к постижению Абсолюта, божественного или высшей истины – в том понимании, которым она обладает. Трансгрессия предполагает активное преодоление границ, установленных как личными, так и социальными нормами. Для религиозной личности это может выражаться в стремлении выйти за рамки традиционных догматов, провести критический анализ своих верований и практик. Трансгрессия позволяет человеку освободиться от привычных шаблонов мышления, что создает пространство для прямого опыта божественного. Это путь самоутверждения через неизбежный конфликт с традицией.

Если трансгрессия – стратегия выхода из повседневности и реализации высших ценностей через преодоление окружения, то трансценденция – путь через преодоление себя. В отличие от трансгрессии, она направлена на достижение более высоких уровней сознания и понимания не через конфликт с существующими нормами, а через их переосмысление. Трансцендирующая личность стремится не разорвать связь с религиозной традицией, а установить глубокую связь с высшим началом, что дает ей ощущение единства с миром и с божественным замыслом. Также это путь духовного роста, который предполагает активное стремление к совершенствованию. Это стремление выражается в молитве, медитации и прочих духовных практиках, которые способствуют развитию духа и пониманию высших истин.

Вместе с тем трансцендирующая религиозная личность вызывает такое же настороженное отношение со стороны религиозного сообщества, как и личность трансгрессивная, поскольку в своем стремлении к трансцендентному обесценивает нормы и ценности повседневной жизни. По меньшей степени такая личность воспринимается как странная. История человечества знает много примеров, когда мистики воспринимались как люди не вполне нормальные, психически нездоровые, неспособные адекватно реагировать на простые жизненные ситуации. Однако любая религиозная традиция в силу того, что религия нацеливает человека на мир лучший по сравнению с наличным

бытием и потому должный, выработала способы адаптации обычных верующих к трансцендирующей личности, а личность – способы неконфликтного существования в сообществе единоверцев. Трансгрессивная же личность в сфере религии – это чаще всего своего рода катализатор ломки традиций, религиозных реформ, возникновения новых религиозных течений. Единственная социокультурная ниша для такой личности внутри традиции – статус блаженного или юродивого (если обозначить ее, используя христианскую терминологию).

Таким образом, трансгрессия и трансценденция служат важными путями для религиозной личности в ее стремлении к Абсолюту. Эти процессы не только представляют собой индивидуальные стратегии, но и могут рассматриваться как линии духовного поиска, который включает в себя как преодоление пределов, так и стремление к высшему состоянию существования.

Список литературы

1. Спешилова Е.И. Человек играющий: экзистенциальный проект // Вестник ТГПУ. 2015. № 5 (158). С. 177–180.
2. Давыдов И.П. Трансгрессия религиозной идентичности // История и теория культуры: Альманах. Москва: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2021. С. 199–214.
3. Канатьева Н.С. Традиция и трансгрессия астраханских молокан, XIX век // Журнал фронтирных исследований. 2018. № 4 (12). С. 23–33.
4. Топчиев М.С. Религиозная трансгрессия и ее влияние на современное общество // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 11–3 (61). С. 153–157.
5. Якушенкова О.С. Религиозная трансгрессия в условиях гетеротопии // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015. № 113. С. 219–229. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sj.kubsau.ru/issues/113> (дата обращения: 20.02.2025).
6. Кудряшова Е.В. Религиозная трансгрессия как предмет дискуссии на интернет-форумах // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2020. № 2 (63). С. 95–101.
7. Федирко О.П. Трансгрессия религии и ее влияние на политическую жизнь дальневосточного общества 1990 х гг. // Россия и АТР. 2022. № 4 (118). С. 130–142.
8. Большакова А.С. Трансгрессия // The Scientific Heritage. 2021. № 75–3. С. 49–54.
9. Каштанова С.М. Трансгрессия социальная и трансгрессия культурная // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. 2014. № 11–2 (49). С. 95–97.
10. Смирнов М.Ю. Порождение смыслов и символов в трансгрессии: Символопорождение в трансгрессии // Вестник Омского университета. 2023. Т. 28, № 4. С. 36–43.
11. Полева Н.С. Трансценденция и «разрывы» повседневности // Новые психологические исследования. 2022. № 3. С. 8–22.

12. Бергер П. Религиозный опыт и традиция // Религия и общество: Хрестоматия по социологии религии. Москва: Аспект Пресс, 1996. С. 352–364.
13. Батай Ж. Теория религии. Литература и Зло. Минск: Современный литератор, 2000. 352 с.
14. Фуко М. О трансгрессии // Танатография эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века. Санкт-Петербург: Мифрил, 1994. 346 с.
15. Тихонова В.Л., Закутнов О.И. Содержательные значения трансгрессии в работах Ж. Батай и М. Фуко // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2020. №2 (63). С.132–135.
16. Каштанова С.М. Трансгрессия как социально-философское понятие: дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2016.- 203 с.
17. Арпентьева М.Р., Дувалина О.Н. Трансгрессия и трансценденция в развитии личности //Комплексные исследования человека: психология. 2017. С. 8–13.

Сведения об авторе

Габеев Валерий Васильевич – кандидат философских наук, доцент кафедры общественных наук, г. Владикавказ, Горский государственный аграрный университет.
E-mail: v.gabeti@mail.ru

Gabeev V. V.

TRANSCENDENCE AND TRANSGRESSION AS EXISTENTIAL STRATEGIES OF THE RELIGIOUS PERSONALITY

Abstract: *The article discusses the strategies of transcendence and transgression, which are significant for a religious individual. Transgression, as an existential strategy of religious personality, began to be explored in research literature following works by Georges Bataille and Michel Foucault. However, it does not have a clear understanding or assessment, and it is often viewed as destructive behavior, while transcendence is perceived positively. The content of the article leads to the conclusion that transgression and transcendence are interrelated strategies employed by religious individuals in their quest for understanding the transcendent being. Transgression involves a radical overcoming of boundaries, which for a religious person may manifest as a desire to transcend traditional dogmas and moral norms and challenge their beliefs and practices. Transgression allows an individual to break free from habitual thought patterns, creating a space for a direct experience of the divine. This can be considered as a form of self-assertion through an inevitable clash with tradition. Unlike a person-transgressor, a person who has a strategy of transcendence does not seek to break ties with religious traditions, but rather seeks to establish a deeper connection with a higher power, providing a sense of unity with the world and divine plan. This strategy of spiritual growth involves an active pursuit of personal improvement, expressed through prayer, meditation, and other spiritual practices, which promote the development of one's spirit and understanding of higher truths.*

Keywords: *religious personality, tradition, transgression, transcendence, existential strategy.*

References

1. Speshilova E.I. Chelovek igrajuushhij: jekzistencial'nyj proekt [Homo Ludens: The Existential Project] // Vestnik TGPU. 2015. № 5 (158). P. 177–180.
2. Davydov I.P. Transgressija religioznoj identichnosti [Transgression of Religious Identity] // Istorija i teorija kul'tury: Al'manah [History and Theory of Culture: An Almanac]. Moscow: Lomonosov Moscow State University, 2021. P. 199–214.
3. Kanateva N.S. Tradicija i transgressija astrahanskih molokan, XIX vek [Tradition and Transgression of Astrakhan Molokans, XIX Century] // Zhurnal frontirnyh issledovanij. 2018. № 4 (12). P. 23–33.
4. Topchiev M. S. Religioznaja transgressija i ee vlijanie na sovremennoe obshhestvo [Religious Transgression and Its Impact on Contemporary Society] // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2015. № 11–3 (61). P. 153–157.
5. Yakushenkova O.S. Religioznaja transgressija v uslovijah geterotopii [Religious Transgression in Heterotopic Spaces] // Politematicheskij setevoy jelektronnyj nauchnyj zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta [Polythematic Online Scientific Journal of Kuban State Agrarian University]. 2015. № 113. P. 219–229. Available at: <https://www.sj.kubsau.ru/issues/113> (accessed 20.02.2025).
6. Kudryashova E.V. Religioznaja transgressija kak predmet diskussii na internet-forumah [Issues of Change of Religion in the Information Epoch (On Materials of the Internet Forums)]. // Kaspijskij region: politika, jekonomika, kul'tura. 2020. № 2 (63). P. 95–101.
7. Fedirko O.P. Transgressija religii i ee vlijanie na politicheskiju zhizn' dal'nevostochnogo obshhestva 1990-h gg. [The Transgression of Religion and Its Influence on the Political Life of the Far Eastern Society in the 1990s]. Rossiya i ATR, 2022. № 4 (118). P. 130–142.
8. Bolshakova A.S. Transgressija [Transgression]. The Scientific Heritage. 2021. № 75–3. P. 49–54.
9. Kashtanova S.M. Transgressija social'naja i transgressija kul'turnaja [Social and Cultural Transgression] // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. 2014. № 11–2 (49). P. 95–97.
10. Smirnov M. Yu. Porozhdenie smyslov i simvolov v transgressii: Simvoloporozhdenie v transgressii [Generation of Meanings and Symbols in Transgression: Meaning Generation in Transgression] // Vestnik Omskogo universiteta. 2023. Vol. 28, № 4. P. 36–43.
11. Poleva N.S. Transcendencija i «razryvy» povsednevnosti [Transcendence and “gaps” of everyday life] // Novye psikhologicheskie issledovaniya. 2022. №3. P. 8–22.
12. Berger P. Religious experience and tradition // Religija i obshhestvo: Hrestomatija po sociologii religii [Religion and society: Anthology on the sociology of religion]. Moscow: Aspect Press, 1996. P. 352–364.
13. Bataille G. Theory of Religion. Literature and Evil. Minsk: Sovremenny literator, 2000. 352 p.
14. Foucault M. On transgression // Tanatografija jerosa: Zhorzh Bataj i francuzskaja

mysl' serediny XX veka [The Thanatography of Eros: George Bataille and the French Thought of the Middle of 20 century]. Saint-Petersburg: Mifril, 1994. 346 p.

15. Tikhonova V.L., Zakutnov O.I. Soderzhatel'nye znachenija transgressii v rabotah Zh. Bataja i M. Fuko [Contents Values of Transgression on the Works of J. Batay and M. Fuko] // Kaspijskij region: politika, jekonomika, kul'tura. 2020. №2 (63). P. 132–135.

16. Kashtanova S.M. Transgressija kak social'no-filosofskoe ponjatie [Transgression as a Socio-Philosophical Concept.: Candidate philos. sci. diss.]. Saint-Petersburg, 2016. 203 p.

17. Arpent'eva M.R., Duvalina O.N. Transgressija i transcendencija v razvitii lichnosti [Transgression and Transcendence in Personal Development]. Kompleksnye issledovanija cheloveka: psihologija [Comprehensive Studies of Human: Psychology: Proceedings of the VII Siberian Psychological Forum]. Tomsk: Publishing House of Tomsk State University, 2017. P. 8–13.

Gabeev Valery Vasilievich – Candidate of Sciences in Philosophy, Vladikavkaz, Gorsky State Agrarian University.

E-mail: v.gabeti@mail.ru